

ТИПЫ КОНСТРУКЦИЙ С ВНЕШНИМ ПОСЕССОРОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Брыкина М. М.

МГУ, Москва

marik_bryk@yahoo.com

Анализ морфо-синтаксических типов конструкций с внешним посессором в русском языке показывает, что, хотя они и объединяются в один класс случаев, но обладают различной семантикой и дистрибуцией. Это позволяет сформулировать новый подход к конструкциям с внешним посессором в целом.

0. Введение

В работах [Апресян 1995], [Кибрик 2000, 2003] рассматриваются так называемые конструкции с внешним посессором, которые представляются как результат расщепления исходной семантической валентности предиката, занимаемой генитивной группой, которое сопровождается экстрапозицией либо посессора, либо обладаемого. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

*Вся деревня волокна из областного города
[мешки снеди].¹ (1а)*

*Вся деревня волокна [снедь] [мешками] из
областного города. (Солженицын А.И.,
Матрёнин двор). (1б)*

[Их сына] забрали в армию. (2а)

[Сына] [у них] забрали в армию. (2б)

В предложениях (1б, 2б) мы имеем дело с внешним посессором, в то время как в (1а, 2а) при той же ситуации и том же наборе участников посессор кодируется прототипически – в генитивной группе. В примере (1б) происходит экстрапозиция (то есть вынос из исходной группы) обладаемого (ЭО), а в примере (2б) – экстрапозиция посессора (ЭП).

Такое трансформационное определение внешнего посессора касается только сущности явления, но не определяет его границ (то есть на его основе нельзя предсказать все возможные контексты употребления внешнего посессора), поэтому ниже приводится рабочее определение конструкций с внешним посессором, на которое мы будем опираться в данной работе:

Конструкции с внешним посессором (КВП) – это такие конструкции, в кото-

рых между двумя именными группами, располагающимися в пределах одной предикации, которые:

1) не входят в одну атрибутивную синтагму и

2) не являются обе обязательными актантами вершинного предиката

существует такое же посессивное отношение, которое существует между ними, когда они употребляются в составе генитивной группы. Другими словами, в этих конструкциях носитель языка ощущает связь между обладаемым и посессором, несмотря на то, что посессор закодирован непрототипическим образом (не генитивом).

Говоря о конструкции, я имею в виду, что рассматриваются лишь такие контексты из троек <посессор, предикат, обладаемое>, в которых либо способ выражения посессора и его роль в предложении, либо способ выражения обладаемого и его роль в предложении при заданных для остальных двух членов конструкции условиях обязательно требует установления посессивной связи.

Если следовать предложенному определению внешнего посессора, то возникает вопрос: имеет ли смысл при таком определении говорить о двух группах случаев, легко выделяемых при структурном подходе – с экстрапозицией посессора и экстрапозицией обладаемого? Ответ, по-видимому, должен быть положительным. В первом случае (с ЭО) обладаемое занимает позицию сирконстанта или необязательного актанта, а посессором является один из актантов вершинного предиката, то есть валентность некоторого предикатного слова на посессора заполняется за счет входящего независимо от него в структуру предикации элемента². Во втором же случае (с ЭП) обладаемое само занимает позицию одного из главных актантов или обстоя-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 05-06-80288.

¹ Здесь и далее в примерах полужирным выделяется обладаемое, а подчеркиванием – посессор, находящийся в посессивном отношении.

² Здесь можно провести аналогию с анафорой. Только если анафор сам отсылает к некоторому референту (как, например, лексема *свой* отсылает к подлежащему), то отсутствие посессора у слова, у которого есть (не)обязательная валентность на него, требует от слушающего нахождения этого референта среди актантов вершинного предиката.

тельства места, а посессор оказывается выражен дательным падежом или предложной группой, располагающейся, как правило, контактно с обладаемым.

Очевидно, что разные типы КВП используются в различных условиях и не синонимичны конструкциям с внутренним посессором. Целью данного исследования и было выявление семантики каждого из этих типов и определение некоторых их свойств, которые позволяют сформулировать новый подход к КВП.

1. Конструкции с ЭО

Для конструкций с ЭО были выделены следующие семантические типы:

№	Значение обладаемого ³	Способ выражения обладаемого	Синтаксическая функция предполагаемого посессора	Некоторые ограничения на тип предиката	Отличие от конструкций с внутренним посессором на референциальном уровне	Критерии выбора между способами выражения обладаемого
1	Часть посессора – ориентир (3)	ИГ _{Твор}	SU DO	глаголы перемены положения в пространстве	+ (3)	
2	Количество (16)	ИГ _{Твор} ИГ _{6+Предл}	SU DO		-	разная семантика конструкций
3	Форма (5)	ИГ _{Твор} ИГ _{6+Предл} ИГ _{6+Вин}	SU DO		-	разная семантика конструкций (5), лексические ограничения
4	Параметр, значение которого предсказывается (6)	ИГ _{Твор}	SU	<i>быть</i>	-	
5	Физический источник действия или состояния (7)	ИГ _{Твор} ИГ _{6+Предл}	SU		-	?
6	Параметр сравнения (8)	ИГ _{Твор} ИГ _{6+Предл} ИГ _{но+Дат}	SU и 2-ой актант	предикаты сравнения	-	лексические ограничения на обладаемое
7	Часть посессора – предел для действия (9)	ИГ _{но+Вин} ИГ _{до+Род} ИГ _{от+Род}	SU DO		+	лексические ограничения на обладаемое
8	Место посессора, где происходит контакт (10)	ИГ _{под+Вин} ИГ _{6+Вин} ИГ _{но+Дат}	DO	предикаты контакта с телом с целью причинения боли лицу	n/a ⁴ (+)	семантика предиката, лексические ограничения на обладаемое, способы контакта

³ В скобках приводится номер примера на соответствующую конструкцию.

⁴ Символ n/a означает, что замена на генитивную группу невозможна.

		ИГ _{за+Вин}	SU DO	предикаты физического контакта и перемещения объекта	+	
9	Параметр – стимул для восприятия (11)	ИГ _{ε+Предл} ИГ _{ε+Вин} ИГ _{по+Дат}	DO	некоторые предикаты восприятия	-	разные типы предикатов, лексические ограничения на обладаемое (11)
		ИГ _{Твор}	SU			
10	Место посессора, где происходит действие или к которому относится состояние (12)	ИГ _{ε+Предл} ИГ _{по+Дат} ИГ _{с+Род} ИГ _{на+Предл}	SU DO		-	семантика места

Таблица 1. Семантические типы конструкций с ЭО и некоторые их свойства

Ниже приводятся примеры на каждый из типов конструкций:

...когда повернул меня лицом к небу носками своих сапог. (Шаламов В.Т., КР: Ягоды) (3)

Если в исходном предложении попытаться заменить внешний посессор на внутренний, то изменится пропозициональное содержание предложения:

...повернул мое лицо к небу носками своих сапог. (4)

Молоко выставляли **в стаканах**. (5а)

Молоко выставляли **стаканами**. (5б)

На этом примере можно прокомментировать различия между конкретными типами экстрапозиции. Контейнер, экстрапонируемый в ИГ в творительном падеже (5б), указывает скорее на ненормальность (превышение нормы) количества, в котором производится действие над объектом или в котором он находится, а при экстрапозиции в предложную группу (5а) в фокус внимания помещается непосредственно контейнер, форма или количество, в которых находится объект.

Одно название полкилометра **длиной!** (Приставкин А.И., Ночевала тучка золотая) (6)

И город поразил ее только **скукой**... (Бунин И.А., Суходол) (7)

Старшеклассники, если посудить, не намного переросли Кузьменьшей, но отличались **от них внешним видом**. (Приставкин А.И., Ночевала тучка золотая) (8)

...и нога в сапоге увязала **по все голенище**. (Солженицын А.И., Матрёнин двор) (9)

Дед Аверя засмеялся, толкнул меня пальцем в бок. (Коваль Ю., Самая легкая лодка в мире) (10)

Мы все знали ее в лицо (*в фамилию) / по фамилии. (11)

В данном случае выбор способа выражения обладаемого определяется его лексическими свойствами.

Бушлат по поясу он хорошо затянул бечевочкой. (Солженицын А.И., Один день Ивана Денисовича) (12)

Как видно из Таблицы 1, некоторые типы экстрапозиции связаны с определенными классами глаголов (1, 4, 6, 8, 9), а некоторые (2, 3, 10) – нет. Это означает, что, независимо от того, будем ли мы считать конструкции первого типа результатом действия некоторого преобразования (правила), или введем для соответствующих предикатов факультативную синтаксическую валентность⁵, информацию о них надо отмечать в словаре для каждого глагола (либо как валентность, либо как помета о применимости к данному предикату соответствующего правила).

Конструкции, для которых нет ограничения на тематический класс глагола, или этот класс получается слишком большим (например, именные и предложные группы, выражающие количество и форму), мне представляется возможным описывать как сирконстанты с соответствующими правилами восстановления референции. (Эти правила должны учитывать, помимо грамматических факторов, как минимум семантику возможного посессивного отношения, например, чтобы правильно восстановить референцию ИГ_{Твор} в следующем примере:

⁵ Например, для предикатов физического контакта (8-ой тип) представляется возможным ввести обязательную синтаксическую валентность со значением места контакта, которая может не выражаться вообще (*он ударил Петю*), выражаться вместе с объектной валентностью (*он ударил Петю по голове*) или же без нее (*он ударил по столу*).

Рабочие, таскали краску, целыми бригадами
[Poss: i] / *целыми ведрами* [Poss: j]. (13)

При этом выделяются две группы значений этих сирконстантов: количество или форма (типы 2 и 3) и место посессора, которое участвует в ситуации (типы 7 и 10).

2. Конструкции с ЭП

Двумя основными способами выражения экстрапонируемого посессора являются предложная группа с предлогом *у* и ИГ в дательном падеже. Обе эти конструкции достаточно подробно описаны в литературе, поэтому ниже рассматриваются только основные их свойства.

2.1. Предложная группа с предлогом *у*.

Рассмотрим следующее предложение:

У нее бумаги разбросаны по столу. (14)

Это предложение означает, что *она* сейчас находится в такой ситуации, что на столе разбросаны бумаги. Бумаги эти, как и сам стол, могут быть вовсе не ее, но на данный момент она связана с ними наличием некоторой общей ситуации, они ее потому, что находятся сейчас в ее жизненной сфере. Эту посессивную связь можно назвать “слабой посессивностью”, в отличие от “сильной посессивности”, когда обладатель действительно связан с обладаемым одним из типов генитивных отношений. Заметим, что посессор, выраженный канонически, то есть генитивом, тоже может находиться только в “слабой посессивной связи” с обладаемым. Например, словосочетание *его дача* далеко не всегда предполагает, что эта дача действительно принадлежит ему. Она может принадлежать его родителям, но называться его дачей, потому что родители входят в его жизненную сферу, и особенно если он туда ездит, то есть дополнительно включает ее в свою жизненную сферу.

На мой взгляд, во всех конструкциях с экстрапозицией посессора в ПГ с предлогом *у* целесообразно изначально восстанавливать только наличие такой “слабой посессивной связи” между обладателем и обладаемым.

Особый вопрос составляет сфера действия ПГ с предлогом *у*. Рассмотрим следующее предложение:

У меня собака разбила чашку. (15)

Это предложение может иметь несколько вариантов интерпретации:

1) *Со мной случилось такое, что собака (чья-то) разбила чашку (чью-то).* Такая интерпретация является естественной, например, при телефонном разговоре из чужой квартиры. В этом случае сферой действия этой ПГ является все предложение.

2) *а. Моя собака разбила чашку (чью-то, может быть и мою).*

б. Собака разбила мою чашку. (Такая интерпретация, правда, возникнет скорее, если ПГ с предлогом *у* будет непосредственно предшествовать слову *чашка*.)

В обоих этих случаях сферой действия ПГ с предлогом *у* является отдельная ИГ, но в каждом случае своя.

По-видимому, в каждой конкретной ситуации интерпретация сферы действия ПГ с предлогом *у* происходит в зависимости от знаний о конситуации, о мире, в зависимости от типа генитивного отношения и семантики глагола. Таким образом, конструкции с внешним посессором для данной ПГ – это конструкции, в которых сфера ее действия обязательно затрагивает одного из участников.

Многие исследователи отмечали, что конструкции с внешним посессором имеют и дискурсивную значимость. Чаще всего подъем посессора связывают с его топикализацией [Velázquez-Castillo 1996, Кибрик 2003]. Ирина Николаева [Николаева 2002] описывает дискурсивную роль внешнего посессора через понятие вторичного топика. Топик и фокус в этой работе рассматриваются как часть информационной структуры предложения. Фокус определяется как “the semantic component of a pragmatically structured preposition whereby the assertion differs from the presupposition” [Lambrecht 1994: 213]. Топик определяется как то, о чем говорится в предложении. Вторичный топик – это “референт, который стоит в определенном прагматическом отношении к референту-первичному топикю, и высказывание сообщает новую информацию об этом отношении” [Николаева 2002: 277]. Основная функция конструкций с внешним посессором – “формально маркировать элемент, соответствующий вторичному топикю, таким образом, чтобы он не мог быть интерпретирован как не-топик (фокус)” [Николаева 2002: 278].

Интересно отметить, что при сохранении общей семантики – затрагивание чьей-то личной сферы – и дискурсивной функции – маркирование вторичного топика - конструкция с ЭП в ПГ с предлогом *у* может иметь, по сравнению с конструкцией с внутренним посессором, и другие отличия:

1) При глаголах восприятия, когда обладаемое обозначает стимул для восприятия, выражение посессора и обладаемого в разных составляющих позволяет говорящему по-разному определять пресуппозицию, что подтверждается контекстом общего отрицания. Рассмотрим два предложения:

Я заметил у мальчика волнение. (Я не заметил у мальчика волнения.) (16а)

Я заметил волнение мальчика. (Я не заметил волнения мальчика.) (16б)

В первом из них волнение мальчика не входит в пресуппозицию, мальчик мог как быть взволнован, так и не быть. Во втором же предложении волнение мальчика входит в пресуппозицию.

2) При предикатах, обозначающих, например, мыслительную деятельность (возможно, что и при некоторых других), использование конструкции с ЭП дает эффект присутствия того человека, над чьим предметом совершается действие, в ситуации. Сравним два предложения:

Ты позвонил как раз тогда, когда мы проверяли у сына дневник. (17а)

Ты позвонил как раз тогда, когда мы проверяли дневник сына. (17б)

В первом предложении более вероятным кажется предположение, что сын присутствовал при проверке дневника, в то время как во втором этот компонент значения никак не отражен.

2.2. Именная группа в дательном падеже.

Общее значение именной группы в дательном падеже в конструкциях с внешним посессором разными исследователями определяется по-разному. Шибатани [Shibatani 1994] считает, что при интеграции в предложение участника, выраженного дативом, последний получает *adversity reading*. Довольно часто эту функцию датива обозначают как “дательный интереса”. Хаспельмат [Haspelmath 1999: 130] рассматривает положение этого значения на семантической карте и отмечает его близость таким значениям, как адресат и бенефактив.

Основная функция этой конструкции – повышение коммуникативного статуса посессора, которое становится необходимым потому, что посессор оказывается, часто (но не всегда) помимо своей воли, затронут ситуацией, организатором которой в большинстве случаев не является.

Именная группа в дативе может быть посессором для объекта, занимающего позицию подлежащего. Этому объекту дается некоторая характеристика, которая определяет состояние всего посессора в некотором мире:

И где ему будет жизуха лучше - тут ли, там - неведомо. (Солженицын А.И., Один день Ивана Денисовича) (18)

Грош ей цена в базарный день. (Приставкин А.И., Ночевала тучка золотая) (19)

Посессор может оформляться дательным падежом при предикатах, обозначающих вхождение в класс объектов, относясь при этом к имени, которое находится в позиции предиката и обозначает родственное или социальное отношение:

В печали и в радости огурец был мне верный товарищ, помогал найти себя, принять решение. (Коваль Ю., Самая легкая лодка в мире) (20)

При предикатах, обозначающих воздействие на объект, именная группа в дательном падеже обозначает посессора прямого дополнения:

Что ты мне рвешь штаны и куда ты меня тянешь? (Гайдар А.П., Тимур и его команда) (21)

И, наконец, именная группа в дательном падеже может относиться и к обстоятельству места⁶:

Поэтому и так делают, что палочек наломают, напилят покороче, да суют их себе под бушлат. (Солженицын А.И., Один день Ивана Денисовича) (22)

3. Об одном подходе к конструкциям с внешним посессором

При рассмотрении конструкций с ЭП мы исходили из того, что говорящему необходимо выразить в предложении посессора, и он выбирает конкретный способ его кодировки, ориентируясь на то, каким образом посессор оказывается затронут ситуацией. Возможна и еще одна интерпретация таких конструкций. Если мы примем точку зрения, что у каждого из рассмотренных выше “экстрапонированных посессоров” есть свое значение (участник, в личной сфере которого происходит событие; участник, которого затрагивает событие), то логичным кажется предположить, что они могут появляться в предложении независимо от наличия предполагаемых обладаемых. При такой трактовке они являются не одним из средств выражения посессора, а самостоятельными участниками ситуации, которые не имеют какой-либо определенной семантической роли, а относятся к ситуации в целом. Такой участник (экстратематический аргумент в терминологии Шибатани) вводится в ситуацию, а после этого, в зависимости от знаний слушающего о мире, ситуации, в зависимости от семантики глагола и тех отношений, в которых потенциально могут находиться экстратематический аргумент и разные участники ситуации, возможно установление посессивной связи.

В принципе, эти два подхода ориентированы на описание одного круга случаев. Второй подход из всего множества примеров, где встречается экстратематический аргумент, выделит подмножество *A* случаев, где он связан с одним из объектов предложения посессивной связью, а первый подход из всего множества посессивных конструкций выделит такое его подмножество, в котором посессор может становиться экстратематическим аргументом, то есть то же множество *A*.

Таким образом, оба подхода являются равносильными. Мне, однако, второй подход кажется более убедительным в силу большей его объяснительной силы по отношению к материалу, рассмотренному выше. Кроме того, он позволяет по-другому взглянуть на конструкции с внешним посессором, включив их в более широкий круг явлений внешнего посессора как любого посессора, выраженного

⁶ О сфере употребления данной конструкции см. также [Рахилина 1982]

вне генитивной группы. Такое более широкое определение внешнего посессора требует и постановки более общей основной задачи: описание механизма восстановления посессивных связей в предложении. Это позволяет объединить задачи, в данной работе разбитые по типам внешнего посессора (конструкции с ЭО и конструкции с ЭП). Кроме того, должны быть добавлены новые задачи (такие как выражение посессора в одной атрибутивной синтагме с обладаемым и установление посессивной связи между двумя актантами).

Общая схема поиска посессивных связей для ИГ в предложении (или, другими словами, заполнения валентности на посессора) могла бы выглядеть примерно следующим образом:

Шаг	Действие	Да	Нет
1	Есть ли у ИГ внутренний посессор?	завершение задачи	2
2	Определение свойств исследуемой ИГ.		
3	Есть ли у ИГ посессор, выраженный в одной с ней атрибутивной синтагме?	завершение задачи	4
4	Определение позиции этой ИГ в предложении (установление синтаксической функции).		
5	Поиск и определение тематического класса предиката.		
6	Является ли эта ИГ актантом предиката?	7	8
7	Накладывает ли этот предикат такие ограничения на актант, которые однозначно определяют его посессора?	завершение задачи	8
8	Есть ли в пределах предикации экстратематический аргумент?	9	10
9	Соответствуют ли характеристики исследуемой ИГ тем ограничениям, которые, существуют для данного экстратематического аргумента?	завершение задачи (ЭП)	10
10	Входит ли ИГ в контекст конструкций с ЭО?	завершение задачи (ЭО)	завершение задачи

Список литературы:

- 1) Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 1. Лексическая семантика. М.: ЯРК, 1995.
- 2) Кибрик А.Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре. К 70-летию Ю.Д. Апресяна. М.: ЯРК, 2000. С. 429-441.
- 3) Кибрик А.Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003. С. 307-319.
- 4) Николаева И.А. Конструкции со вторичным топиком // Лингвистический беспредел: сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой (под ред. А.Е. Кибрика). М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 274-288.
- 5) Рахилина Е.В. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный) // Научно-техническая информация, 1982. Серия 2, №2. С. 24-30.
- 6) Haspelmath M. External Possession in a European Areal Perspective // Payne D. L., Barshi I. (eds.) 1999. С. 109-135.
- 7) Lambrecht K. Topic, Focus, and the Mental Representation of Discourse Referents. Cambridge, 1994.
- 8) Shibatani M. An integrated approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives // Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, California, 1994. С. 461-487.
- 9) Velázquez-Castillo M. The Grammar of Possession. Inalienability, Incorporation and Possessor Ascension in Guaraní // Studies in Language Companion Series. 33. Amsterdam/Philadelphia.